

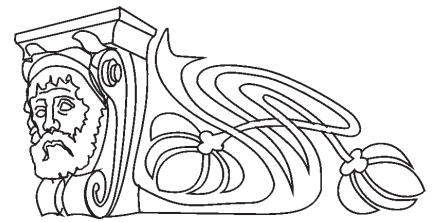

УДК 316.811:1

ОТЦОВСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

М. В. Бутаев

Саратовский государственный университет
E-mail: Mabutaev@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению отцовства как социально-философской проблемы, которая конкретизируется через осмысление социально-исторических условий и особенностей становления отношений отцов и детей. Философско-категориальный анализ позволяет выявить истоки отцовства в социальном бытии человека, раскрыть специфику трансформации института отцовства в России и причины его кризиса в контексте социального рискованного пространства власти.

Ключевые слова: отцовство, социальная философия, гендер, власть, рискованное пространство.

M. V. Butaev

Fatherhood as a Problem of Social Philosophy

The paper studies fatherhood as a problem of social philosophy, viewed through the realization of the social and historic circumstances and peculiarities of fathers and children's relations building. Philosophic analyses of the category brings to the surface the sources of fatherhood based in the human social existence. The analyses reveals a specific way of fatherhood institution transformation in Russia and gives reasons for it's crisis in the context of the social risky power environment.

Key words: fatherhood, social philosophy, gender, power, risky environment.

Актуальность исследования проблемы отцовства обусловлена не в последнюю очередь парадоксальностью современной ситуации: с одной стороны, кризис социального института брака и семьи является общепризнанным явлением, с другой – возрастающая роль средств массовой информации делает доступной репрезентацию различных отечественных и западных моделей поведения, в том числе семейных. Становится всё более очевидным, что статус и роль отца претерпевают существенное изменение в социальном и философско-мировоззренческом смысле. Всё это вызывает необходимость социально-философского анализа проблемы отцовства.

Под отцовством понимается социальное явление, исторически возникшее в моногамной семье, сущность которого состоит в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и воспитание своих детей. Каковы же истоки отцовства в социальном бытии человека? В чем заключается специфика трансформации института отцовства в российской действительности? Какова взаимосвязь кризиса института отцовства и социального пространства власти? Прояснение этих вопросов возможно через ос-

мысление социально-исторических условий и особенностей становления отношений отцов и детей с помощью философско-категориального анализа.

Обустройство человека в мире начинается с космизации хаоса, с необходимости создания порядка, который первоначально представлял собой некое переплетение биологического и социального. Когда-то в мире существовала вертикаль власти: на небе был всемогущий Бог, на земле царь, а в семье – отец. Всюду был порядок, но потом все изменилось. Богов стало много, царскую власть сменила республика, а отцовскую власть подорвали женщины, наемные учителя и непослушные дети. Многим кажется, что раньше было лучше, и они призывают нас вернуться в прошлое¹.

Человек – существо символическое, и независимо от того мужчина это или женщина, различия между полами устанавливаются в каждую эпоху и в каждом обществе по-своему. Начало человеческой истории характеризуется появлением социальных новшеств: особи мужского пола начинают кормить самок и малышей. Хотя трудно предположить, что эти самцы имели какое-то понятие об отцовстве. Во всех человеческих сообществах мужчина усваивает, что когда он станет взрослым, одной из его обязанностей должно стать обеспечение женщины и её потомства пищей. Отец, мужчина, хозяин дома и наследник традиций должен обеспечивать женщину и потомство. Немногие мужчины даже в самых простых обществах могут уклониться от выполнения этой обязанности².

Проблема «отцов и детей» первоначально существовала как проблема «отцов и сыновей». Неудивительно поэтому, что отцовство стало одной из центральных проблем в комедиях римского драматурга Теренция, который со свойственным ему религиозным скептицизмом и философским стоицизмом исследует «умственное и нравственное состояние общества»: в комедии «Братья» Теренций делает различие между отцом биологическим и отцом «духовным». Быть отцом непросто, этому следует учиться, причем учиться у тех, кто понимает, в чем действительно состоят отцовские обязанности. Настоящим отцом может считаться только тот, кто является им как в силу душевной привязанности, так и на основании прежде всего естественной близости – родства. Важнейшей

заботой отца является попечение о сыне, именно он составляет предмет его главной заботы. Отец способен во многом себе отказывать ради благосостояния сына. Отцовская любовь к сыну настолько прочна, что сын ни в коем случае не допускает, что эта привязанность может когда-либо исчезнуть из отцовского сердца. Отцы не только способствуют заключению выгодных браков, но и в дальнейшем продолжают заботиться о счастье своих сыновей, ограничивая пору их увлечений временем до женитьбы, после которой должна начаться достойная семейная жизнь. Сын подчиняется отцовской власти, считая непочтительным оказывать отцу какое-либо сопротивление, однако самым предпочтительным считались товарищеские отношения отца и сына, поскольку именно они «крепче всего способны привязать сына к отцу», ведь «сын для отца самое дорогое существо»³.

В отличие от римского, французского, немецкого, английского, американского и даже японского понимания феномена отцовства, которому посвящено немало историко-философских исследований, история и философия русского отцовства не написана даже вчерне, хотя количество и качество доступных источников у нас не меньше и не хуже, чем в странах Запада.

При поверхностном подходе на первом плане оказываются крайности: согласно одной точке зрения, в Древней Руси было «темное царство» жестокого отцовского авторитаризма, другой – не только тиранического, но и вообще строгого отцовства тогда не было, потому что главенствовали женщины. Кроме идеологических соображений эта поляризация отчасти связана с тем, каким источникам отдает предпочтение тот или иной философ, интересуют ли его нормативный канон отцовства или конкретные отцовские практики.

Отношения между родителями и детьми были «рабскими, и всё это было прикрыто ложной святостью патриархальных отношений <...> Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные каноны предписывали ему быть как можно строже <...> Слова почитались недостаточными, как бы убедительны они ни были <...> Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком»⁴. «Изборник» 1076 г. учит тому, что ребенка нужно с самого раннего возраста «укрощать», а «Повесть об Акире Премудром» (XII в.) призывает: «...от биения сына своего не воздержайся». Строгость обосновывалась тем, что в ребенке сидит неуправляемое злое начало, выражение «чертенюк» – не просто шуточная метафора. Педагогика «сокрушения ребер» подробно изложена в «Домострое», учебнике семейной жизни, написанном духовником Ивана Грозного протопопом Сильвестром: «Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей <...> Не дай ему воли в юности, но пройдишь по

ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов»⁵.

Общественное сознание в дореволюционной России колебалось между традиционным идеалом авторитарной власти и слабостью реального отцовства. Конкретный отец выглядел бледной копией батюшки-царя. Советская власть это противоречие усугубила. Сначала она подорвала патриархальную семью, основанную на частной собственности, а затем молчаливо приняла модель семьи, в которой мужчине отводилась роль добытчика и кормильца, оставив все социально-педагогические функции на долю матери⁶. Как заявила Н. В. Попова, «хотя отец и несет по закону ответственность за воспитание детей, мать никто заменить не может, особенно в воспитании детей-дошкольников, поэтому нет нужды предъявлять к отцу излишние требования»⁷. отождествление родительства с материнством в какой-то степени сохраняется в российском социальном сознании и поныне.

Острейшей проблемой является социальное сиротство: очень много детей и подростков вырастает в домах ребенка или на улице. Автор известной книги «Безотцовская Америка» Д. Бланкинхорн считает, что безотцовщина – «самая разрушительная тенденция нашего поколения»⁸. По исследованиям социологов и данным статистики, слабость или отсутствие отцовского начала связаны со всеми проявлениями социальной патологии: алкогольной и наркотической зависимостью, насилием, преступностью, самоубийствами и психическими расстройствами. Больше половины американцев (80%), ответивших на вопросы анкеты Института Гэллапа в 1996 г., считают, что отцовство – одна из серьёзных проблем современности⁹.

Российская действительность в наши дни отличается разнообразием повседневных рисков, вовлекающих человека порой в самые неожиданные рискогенные ситуации. Повседневные риски делают жизнь непредсказуемой¹⁰. Феномен отцовства – не абстрактная категория и не теоретический конструкт, он конституирует повседневную жизнь людей, традиционно ассоциируясь с порядком и стабильностью, с надежностью и защитой. Обесценивание роли отцовства в условиях кризиса института семьи инициирует риск потери гендерной идентичности и кризис маскулинности. Институт отцовства и реализующие его практики – необходимые элементы гендерного порядка, соотношения мужской и женской роли и деятельности. Отцовство – одно из главных проявлений мужской идентичности.

Термин «отцовство», имеющий длительную историю, неоднозначен: отцовство (fatherhood) понимается как социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и

требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и структуре семьи. Другое значение термина «отцовство» (fathering) – реальные практики, т. е. деятельность, связанная с выражением и воспитанием детей¹¹. Отцовская идентификация – процесс осознания себя в качестве родителя и принятие (или отрицание) имеющихся культурных норм поведения отца (принятие соответствующей роли)¹². Феномен отцовства, так же как и материнства, может быть рассмотрен с двух точек зрения: как обеспечение условий развития ребенка и как часть личностной сферы мужчины¹³. Оба этих подхода взаимосвязаны: они рассматривают один и тот же феномен с точек зрения двух его функций. Изучение отцовства с первой точки зрения включает анализ личного вклада отца в развитие ребенка (детей). Рассмотрение отцовства со второй точки зрения позволяет выделить функцию самореализации мужчины. Истоком отцовства как социального бытия является осуществление человеческого начала в человеке.

Трансформация отцовства как социально-го феномена в России происходит в течение более длительного времени, чем, например, в европейских странах, США и Канаде, что является результатом специфических российских исторических, социальных, политических условий. Однако идеология семейной политики в большинстве случаев остается матриархальной по своей сути: женские, материнские проблемы доминируют в области семейной политики, в то время как проблемы мужчин-отцов не рассматриваются и не учитываются. Подобное положение вещей связано, во-первых, с восприятием родительства как исключительно женской, материнской власти, во-вторых, с культурными установками относительно роли мужчины в семье и обществе и, наконец, с бытующим в обществе представлением о «слабости и неадекватности» мужчин в качестве отцов¹⁴. Трансформация отцовской и супружеской роли и представления о ней происходила в России (и в СССР) в результате специфических исторических условий: во-первых, и прежде всего, это отмена права наследования собственности, что в немалой степени сказалось на ослаблении «фундаментальной» мужской заинтересованности в родных, любимых наследниках; во-вторых, это правовое непризнание биологического отцовства вне зарегистрированного брака, действовавшее в СССР в 1944–1968 гг.; в-третьих, феминизация воспитания и образования мальчиков, обусловленная как советскими идеологическими стереотипами (разделения труда), так и объективной ситуацией – послевоенной диспропорцией численности мужчин и женщин.

Воспринимая многие принципы более гибкой «женской» культуры, некоторая часть мужчин ориентируется, по-видимому, на новый

тип отцовства, преимущественно социальный, на ответственность и за неродных детей тоже (опосредованно, через мать этих детей), т. е. при отсутствии биологического родства с ними. Родственные отношения в этом случае заменяются партнерскими, более демократичными. С одной стороны, это противоречит традиционным культурным стереотипам отцовства, с другой – соответствует многим чертам модернизации семейной жизни, поэтому именно эту группу мужчин можно считать «агентами» модернизации институтов семьи и отцовства.

Применение социально-философского подхода в единстве со сравнительно-историческим методом позволяет определить, что в ходе общезивилизационного процесса происходит трансформация социального пространства власти, которая, приобретая всеобщий характер, распространяется и на отцовскую власть. Кризис семьи во многом обусловлен кризисом традиционного института отцовства, отождествляемого с властным началом. Расширение понимания биологического отцовства (по крови) до социального обусловило его амбивалентность. С одной стороны, отцовство воспринимается как гарант порядка и ответственности, как символ заботы и защиты от социального риска и связанных с ним опасностей, с другой – как носитель авторитарной власти, требующей безусловного подчинения, и тогда отцовство содержит риск потери свободы и для того, кто обладает властью, и для того, кто подчиняется. Не исключено, что именно эта амбивалентность инициировала появление вечной проблемы «отцов и детей».

Примечания

- 1 См.: Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1988. С. 192.
- 2 Кон И. С. Сексология. М., 2004. С. 29.
- 3 Черняев П. Быт и нравы по комедиям Теренция. Варшава, 1912. С. 69.
- 4 Домострой. М., 1990. С. 134.
- 5 Там же. С. 141.
- 6 Кон И. С. Сексология. С. 123.
- 7 Хасбулатова О. Российская гендерная политика в XX столетии. Иваново, 2005. С. 142.
- 8 Blankenhorn D. Fatherless America : Confronting our most urgent social problem. N. Y., 1995. P. 123.
- 9 National Center for Fathering (NCF). 1996 / Gallup Poll on Fathering, «Fathers in America». URL: <http://www.fathers.com/research/gallup.html> (дата обращения: 15.12.2011).
- 10 Устьянцев В. Б. Повседневность и риски жизненного пути личности // Человек. История. Культура. Саратов, 2009. № 8. С. 33.
- 11 Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009. С. 79.

¹² Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М., 2008. С. 225.

¹³ См.: Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопр. психологии. 2006. № 3. С. 122.

¹⁴ См.: Рыбалко И. В. «Новые отцы» в современной России : представление мужчин о родительстве // Вестн. Саратовского гос. технического ун-та. 2006. № 3, вып. 2. С. 236.

УДК 200. 21

«МЕТАМОРФОЗЫ ЗЕРКАЛА» В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ОЧИЩЕНИЯ УМА

Ю. М. Дуплинская

Саратовский государственный технический университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

Статья посвящена сравнительному анализу феноменологического опыта «чистого сознания» в различных традициях – как сакральных, так и десакрализованных. Сравниваются разнообразные модификации символики зеркала, к которым приводят сходные приемы «очищения ума» в феноменологическом опыте разных традиций. Рассматривается специфика опыта православия в его отношении к символике зеркала.

Ключевые слова: техники «очищения сознания», символы «чистого сознания», зеркало, поток, время, энергия, тварное бытие, падшее бытие.

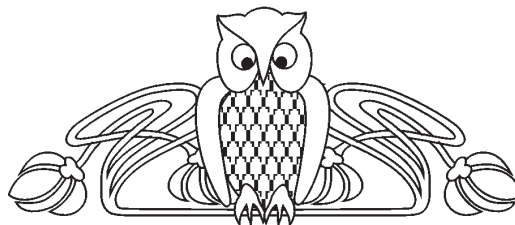
«Mirror Metamorphoses» in Comparative Phenomenology of Clarification of Mind

Yu. M. Duplinskaya

Article is devoted the comparative analysis of phenomenological experience of «pure consciousness» in various traditions, as sacral, and desacranuned. Various updatings of symbolics of a mirror in which result similar receptions «mind clarifications» in phenomenological experience of different traditions are compared. Specificity of experience of Orthodoxy in its relation to mirror symbolics is considered.

Key words: technicians of «consciousness clarification», symbols of «pure consciousness», mirror, stream, time, energy, created life, fallen life.

В дальневосточных вариантах буддизма устройство мироздания обычно иллюстрируется следующим образом: вокруг горящей свечи (или статуи Будды) несколько зеркал располагаются таким образом, чтобы ее свет отражался в них до бесконечности. Этим примером иллюстрируется принцип «все в одном и одно во всем» – в каждом элементе весь мир, и этот элемент в каждом другом элементе. Впервые к такому способу объяснения основ учения прибегнул основатель одной из школ дальневосточного буддизма Фа-цзан. Сегодня такой взгляд на вещи получил название голографического, или холономного подхода. Можно еще добавить, что зеркальные проекции распространяются не

только в пространстве, но и во времени. С точки зрения современных представлений о реальности нет ничего невозможного в том, чтобы не только будущее являлось отражением прошлого, но и прошлое было отражением будущего. Таким зеркальным лабиринтом голографического видения, для которого «все содержится во всем», может предстать перед нами история религий с подачи секуляризованного религиоведения. Картография сакральной сферы сегодня предстала перед нами в виде фрактального размножения сходства и подобия архетипической символики. Центр, из которого совершается размножение этих подобий, можно при желании увидеть «повсюду и нигде».

Мы обратимся к анализу символики зеркала в сравнительной феноменологии «очищения ума» в разных сакральных традициях, но в противоположность приведенному примеру нашей задачей будет не иллюстрация холономного подхода к истории религий, а наоборот – его преодоление. Чтобы выбраться из лабиринта сходства и подобия, следует выявить субординацию зеркальных отражений. Даже в приведенном примере нельзя игнорировать наличия настоящего, а не отраженного источника света – места, в котором «на самом деле» горит свеча.

Образ души практически в любой мифологии и во всех сакральных традициях так или иначе связан с символикой воды (в христианстве этот архетип связан с таинством крещения – «очищения водой»). Образ воды находит органическое продолжение в символике зеркала: одним из главных свойств водной поверхности является ее способность отражать и принимать в себя образы. Именно водная стихия с ее способностью отражать, быть зеркалом традиционно считается стихией *душевного*, в отличие от *духовного*, мира, связанного с символикой огня («очищение огнем»). Нельзя не отметить амбивалентности символики зеркала: зеркало